

Н. Н. Подосокорский

Голядкин в роли «русского Фоблаза» (Ф. М. Достоевский и Ж. Б. Луве де Кувре)

В науке о Достоевском уже неоднократно обозначался литературный контекст «Двойника», во многих работах было показано влияние на эту повесть произведений Э. Т. А. Гофмана, Н. В. Гоголя, А. Погорельского и др. Но роман Ж. Б. Луве де Кувре почему-то до сих пор не привлекал внимания исследователей «Двойника», хотя Голядкин неоднократно сравнивается в повести с Фоблазом. В доступной мне литературе не встретилось ни одной работы¹, где была бы представлена попытка ответить на вопрос: почему герой Достоевского несколько раз именуется Фоблазом, и какой смысл вносит в повесть это именование? Ни в академическом полном собрании сочинений Достоевского², ни в полном собрании сочинений (канонические тексты), издаваемом под редакцией профессора В. Н. Захарова³, ни в собрании сочинений Достоевского, изданном под редакцией Т. А. Касаткиной⁴, — в комментариях к «Двойнику», кроме кратких объяснений, что Фоблаз есть герой романа Луве де Кувре, фоблазовская тема никак не была затронута. В последнем авторитетном издании, имеющем обобщающий энциклопедический характер, — «Достоевский.: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. — СПб., 2008» — в большой статье, посвященной «Двойнику»⁵, роман Луве де Кувре о приключениях Фоблаза и вовсе не упоминается. Поэтому данная работа является попыткой обоснования важности фоблазовской темы в «Двойнике» Достоевского.

Герой гривуазного романа Луве де Кувре (Louve de Couvray. Les avechevalier de Faublas, 1790) шевалье де Фоблаз имеет славу одного из наиболее известных героев галантной литературы; даже его имя стало нарицательным еще в начале XIX в. «Сделав кавалера главным героем романа, — отмечала Л.

И. Вольперт, — Луве де Кувре последовал примеру Ричардсона (осознанность параллели подчеркнута нарочитой переключкой имен Ловлас — Фоблас), но при этом он ставил своей целью создать принципиально новый, “французский”, вариант Ловласа: “Я старался, чтобы никто не мог, без ущерба для правдоподобности, напечатать на заглавном листке этого романа ужасную ложь: “перевод с английского”»⁶. Другой параллелью было сравнение Фоблаза с Вальмоном, героем «Опасных связей» (1782) Ш. де Лакло. Собственно первое известное нам обращение Достоевского к образу Фоблаза отразилось в его переводе романа О. де Бальзака «Евгения Гранде», где госпожа де Грассен путает роман Луве де Кувре с «Опасными связями» Лакло⁷. Достойный своих старших литературных братьев Фоблаз, в отличие от них, был человеком гораздо более ранимой и чувствительной натуры: он питал глубокое почтение к своему родителю, барону де Белькуру, и, в свойственной ему манере, благоговел перед своими возлюбленными — маркизу де Б., которая стала его учителем в науке любви, он в руссоистском духе именовал «маменькой». Литературную дань образу Фоблаза отдали А. де Мюссе, О. де Бальзак, И. А. Крылов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский и др.

В русской литературе фоблазовская тема более всего известна по произведениям Пушкина, у которого, как показала в специальной работе Л. И. Вольперт, изоморфные имена Фобласа (Фоблаза) и Ловласа (Ловеласа) образуют устойчивую параллель, хотя каждое из них, разумеется, вносит в текст дополнительную специфику. В первом романе Достоевского «Бедные люди» Макарь Девушкин в отчаянии признается Вареньке, что жильцы, раскрыв их тайну, объявили его Ловеласом: «Я вошел к ним и уличил Ратазиева в вероломстве; сказал ему, что он предатель! А Ратазиев отвечал мне, что я сам предатель, что я конкеттами разными занимаюсь; говорит, — вы скрывались от нас, вы, дескать, Ловелас; и теперь все меня Ловеласом зовут, и имени другого нет у меня! Слышите ли, ангельчик мой, слышите ли, — они теперь всё знают, и обо всем, что ни есть у вас, обо всем знают!» (1; 79)⁸. Жилец Ратазиев сыграл в этом случае роль двойника Девушкина, высмеивающего его, как Ловеласа словоблудия, и

ротозея, который празднично засматривается на Вареньку. Однако сам Девушкин считает себя безвинно оскорбленным своим окружением и понимает лишь, что погиб, хотя подлинная причина его гибели — двойная жизнь, которую он ведет, — представляется ему причиной второстепенной.

В «Двойнике», написанном почти сразу же после романа «Бедные люди», Достоевский изобразил гибель другого титулярного советника — господина Голядкина, которого называют уже не Ловеласом, а Фоблазом. В первоначальном, журнальном варианте повести 1846 года Фоблазом трижды называет Голядкина-старшего его двойник и «смертельный враг» — господин Голядкин-младший. При существенной переработке Достоевским «Двойника» в 1860-е гг. сравнения главного героя с Фоблазом почти в точности, с небольшими изменениями, сохранились и в новой редакции повести, как важная художественная линия. В десятой главе «петербургской поэмы» повторяется мысль еще 1840-х гг.: «Это наш русский Фоблаз, господа; позвольте вам рекомендовать молодого Фоблаза, — запищал господин Голядкин-младший, с свойственною ему наглостью семени и выюня меж чиновниками и указывая им на оцепеневшего и вместе с тем иступленного настоящего господина Голядкина. “Поцелуемся, душка!” — продолжал он с нестерпимую фамильярностью, подвигаясь к предательски оскорбленному им человеку. Шуточка бесполезного господина Голядкина-младшего, кажется, нашла отголосок, где следовало, тем более что в ней заключался коварный намек на одно обстоятельство, по-видимому, уже гласное и известное всем» (1; 195-196).

Что это за намек становится ясно, если рассмотреть сюжет «Любовных походов шевалье де Фоблаза». На протяжении всего романа Фоблаз ведет двойную жизнь, постоянно переодеваясь в женские платья, чтобы беспрепятственно проникать к своим возлюбленным, меняет обличья, имена, места жительства и, конечно, самих возлюбленных. Это любовно-приключенческое произведение, вместе с тем, представляет собой просветительскую аллегорию психологических метаний человека, вызванных дисбалансом разума и чувства, заблуждениями сердца и ума. Главной страстью Фоблаза является Софи, которой

он периодически изменяет с другими дамами. Софи — это не только мудрость, но это и само воплощение любви: на первой странице она названа Венерой⁹, и герой восклицает о ней: «Ах, Софи, это любовь, любовь на всю жизнь!»¹⁰. Поначалу Софи заключена в монастыре вместе с сестрой Фоблаза Аделаидой, чье имя переводится с греческого как «неявный, незаметный, тайный, недостоверный» (именно с ней будут неоднократно путать Фоблаза в связи с различными раскрываемыми тайнами его походов). После ряда препятствий герой, наконец, проникает в монастырь, овладевает Софи, и вместе они совершают побег. Затем их узы освящаются таинством брака, после чего они надолго разлучаются друг с другом. Виной тому — прежние возлюбленные Фоблаза, не желающие оставить его наедине с выпавшим ему счастьем. Отец Софи увозит дочь от мужа и ставит условие, при котором они вновь смогут воссоединиться лишь после того, как уйдет из жизни самая могущественная и опасная из всех возлюбленных героя — маркиза де Б, открывшая выход в реальность любовным мечтаниям Фоблаза. В финале романа, когда маркиза де Б. гибнет, Софи возвращается к мужу, но застаёт его с другой возлюбленной — графиней де Линьоль, беременной от шевалье. Графиня также гибнет, не выдержав обстоятельств, а сам Фоблаз, который не может забыть своих любовниц, сходит с ума. Завершается роман словами из письма Фоблаза виконту де Вальбрёну: «Но нет, у меня остается Софи. Нет, не жалейте меня, лучше позавидуйте и только скажите, что люди пылкие и чувствительные, предоставленные в юности бурям страстей, никогда не находят полного счастья на земле»¹¹.

Обращение Голядкина-младшего к Голядкину-старшему содержит очередное указание на раздвоение героя, которое опирается на литературный пример Фоблаза, сошедшего с ума от избытка страсти. В одиннадцатой главе двойник повторно называет Голядкина-старшего этим именем: «А, да, позабыл, извините. Знаю ваш вкус. Мы, сударь, лакомы до тоненьких немочек; мы, дескать, душа ты правдивая, Яков Петрович, лакомы с тобою до тоненьких, хотя, впрочем, и не лишенных еще приятности немочек; квартиры у них нанимаем, их нравственность соблазнаем, за бир-суп да милых-суп¹² наше сердце им посвящаем да

разные подписки даем, — вот что мы делаем, Фоблаз ты такой, предатель ты этакой!» (1; 202).

Намек Голядкина-младшего вскрывает саму функцию его, как двойника, — служить зримым напоминанием о делах и мыслях героя. Обманутая немка-кухмистерша, на которой обещал жениться Голядкин и которую он обманул, является сниженным вариантом польской аристократки Софи, которой изменял Фоблас. Оба героя, в сущности, любили не самих женщин, а свои чувства к ним, и то, что они могли получить от своих явных или мнимых возлюбленных. В случае с Фоблазом это были плотские утехи, в случае с Голядкиным — материальное обеспечение и положение в свете. Однако если от немки Каролины Ивановны Голядкин ожидал лишь бесплатных сытных обедов, то от Клары Олсуфьевны, занимавшей более высокое социальное положение, герой хотел получить куда больше. Обед, данный в честь ее рождения, казался ему роскошным пиром «со всякими упитанными тельцами и чиновною табелью о рангах» (1; 128). Последнюю фразу, ввиду отсутствия авторского ударения в тексте, можно прочесть и по-другому: «со всякими упитанными тельцами и чиновною табелью о рангах»; — Достоевский любил употреблять в своих произведениях подобные каламбуры и словесные игры. Сам Голядкин признавался, «что иногда неблагонамеренность и зависть не щадят никакого лица, ища своей повседневной отвратительной пищи-с...» (1; 162). Такой пищей для его эротических фантазий, не находящих выхода, стала Клара Олсуфьевна, дочь статского советника Берендеева. В своем воображении Голядкин стал выстраивать своеобразный диалог с ее двойником в духе привычной линии любовно-приключенческих романов, где нашлось место и письму о помощи от возлюбленной, и подготовке ее увоза от отца для тайного венчания, и, наконец, размышлениям о грозящей ей опасности заключения в монастырь, хладные стены которого станут местом ее заключения и разлучат с неутешным возлюбленным. Причиной же всех ожидающих его и Клару Олсуфьевну злоключений являлось, по мысли Голядкина, следование «некоторым глупым романам» (1; 221) и, прежде всего, французским книжкам, «ибо французские книжки добру не научат. Там яд... яд тлетворный, сударыня вы моя!» — восклицал

в горячем бреде Голядкин.

Подобно герою «Двойника», сошедший с ума Фоблаз также не мог избавиться от навязчивых призраков своих бывших возлюбленных: «Все усилия науки, все усилия моего разума не могут прогнать жестокий и дорогой призрак, частое появление которого меня терзает и очаровывает.

О, маркиза де Б.! Неужели вы для того спасли меня от смерти и пошли за меня на могилу, чтобы беспрепятственно и постоянно следовать за вашим возлюбленным?

И еще. Когда молния рассекает тучи, а раскаты грома потрясают землю, я слышу зловещий бой часов, я слышу, как хладнокровный жестокий солдат говорит мне: “Она там”. Тогда охваченный неизъяснимым ужасом, обманутый безумной надеждой, я бегу к бушующим волнам. Я вижу, что посреди бурных струй бьется женщина, которую, увы, я не могу спасти, которую я не могу забыть... О, пожалейте меня!»¹³.

Прочтение «Двойника» сквозь призму «Любовных походов Фоблаза» позволяет выделить несколько сторон сближения: историко-политическую (тема пугачевского бунта и предреволюционные реалии Франции у Кувре и тема Наполеона, «предводителя русского восстания» (1; 434) у Достоевского, отмеченная в черновых набросках), моральную (скованность от слабоволия и развращенность сердца обоих героев), поэтическую (жанр приключений или походов героев, мотив переодевания, маскарада), аллегорическую и др. Луве де Кувре дал и другое название своему роману: «Картины жизни юного французского дворянина, вовлеченного накануне Великой революции в упоительную любовную интригу, где целомудрие поддается искушению, эротика ведет к наслаждению, а простодушие уступает авантюризму». Задача Достоевского — нарисовать совсем другие Картины, которые даже сложно назвать Картинами жизни — это скорее Картины подполья, в которых нет места ни жизни, ни упоительной интриге, ни целомудрию, ни наслаждению, ни простодушию. Назвав «Двойник» при позднейшей переработке поэмой, Достоевский, несомненно, хотел еще более подчеркнуть его связь с «Мертвыми душами» Гоголя. Голядкин — это и есть мертвая душа, в отличие, от героя Луве де Кувре, который есть

душа умирающая. Герой Луве испытывает наслаждение и не ведает стыда и страха, герой Достоевского, наоборот, ощущает лишь стыд и страх без наслаждения.

«Двойник» чужд просветительских идеалов и гедонистической легкости рококо. Трагедия «русского Фоблаза», в отличие от его прообраза — «французского Ловеласа», состоит не столько в дисбалансе разума и чувства, сколько в дефиците того и другого. Не случайно, что доктор Крестьян Иванович Рутеншиц советовал герою изменить привычки и «не чуждаться жизни веселой» (1; 115). Достоевский сознательно обнажает (оголяет) духовную нищету Голядкина, замкнувшегося от окружающего мира в себе самом; показывает, что его роль Фоблаза — это обреченная на неудачу попытка укрыться в приукрашенных героико-любовных образах своего подполья не только от суровой действительности, но и от самой жизни.

Великий Новгород

Николай Николаевич Подосокорский — историк, литературовед, кандидат филологических наук. Автор 20 статей о творчестве Ф. М. Достоевского

¹ О соотношении образов князя Валковского и его любовницы-графини с образами развращенных аристократов в романах Луве де Кувре, Шодерло де Лакло, маркиза де Сада см.: *Назирова Р. Г.* Трагедийное начало в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // *Филологические науки.* — 1965. — № 4. — С. 35—36.

² *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30 т. — Л.: Наука, 1972—1990.

³ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 15 т. Канонические тексты / Под ред. проф. В. Н. Захарова. — Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного университета, 1995—2009 (издание продолжается).

⁴ *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в 9 т. / Подготовка текстов, составление, примечания, вступительные

статьи, комментарии Т. А. Касаткиной. — М.: Астрель, АСТ, 2003—2004.

⁵ *Арсентьева Н. Н.* Двойник // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / Сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. — СПб.: Пушкинский Дом, 2008. — С. 55—64.

⁶ *Вольперт Л. И.* Пушкинская Франция. — СПб.: Алетейя, 2007. — С. 114.

⁷ *Достоевский Ф. М.* Евгения Гранде // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Канонические тексты. Издание в авторской орфографии и пунктуации / Под ред. В. Н. Захарова. — Т. 1. — Петрозаводск, 1995. — С. 453.

⁸ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. — Л., 1972—1990. Здесь и далее произведения Достоевского цитируются по этому изданию. Том и страница указываются в скобках после цитаты.

⁹ *Луве де Кувре Ж.-Б.* Любовные похождения шевалье де Фоблаза: роман. — Нов. изд., перепеч. с изд. 1903 г. — М.: Захаров, 2008. — С. 5.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ Там же. С. 367.

¹² Пивной суп ... молочный суп (нем.)

¹³ *Луве де Кувре Ж.-Б.* Указ. соч. С. 366—367.